

Алморзас

В. М. Л.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

23

**Вологда
2003**

СОДЕРЖАНИЕ

Череповецкий выпуск

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
Н. Бушенев, А. Якунов и др.	4
Автограф	13
В МИРЕ РУБЦОВА	15
В. Белков	14
В. Серков	21
Автограф	24
ИЗБРАННОЕ	25
А. Русанов	25
Г. Швецова	26
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	29
Леонид Кузнецов	28
Георгий Свиридов	32
Николай Дорошенко	33
Книжная полка	35
КОРОТКАЯ ПРОЗА	36
Т. Лавтакова	36
Н. Шилова	37
А. Башкиров	40
ПАМЯТЬ	41
М. И. Сидоренко	41
ГРАФИКА	44
Евгений Шиперов	44
Экслибрисы Дм. Медведева	44

На 3-й странице гарнитура А. Наговицына

*На 23 стр. фото — Майя Полетова, руководитель
музея Рубцова в Москве*

Стихи последних лет

Вячеслав БЕЛКОВ

ПИСЬМО ИЗ ВОЛОГДЫ

А. Широглазову

Череповец, Череповец...
Друзья,
как трудно жить,
а умирать нельзя —
Бог не велит
и дети не дают...
А мужики все пьют,
и пьют, и пьют,
поэты пьют,
и сталевары тоже,
и сам себе
мечтасшь дать по роже,
и нищий
разрывает сердце мне,
Москва в дыму
и Сербия в огне...
«Ужель нет выхода
в его пути заветном?»
(У нас уже
заветных нет путей).
Стареешь, сохнешь,
сдохнешь незаметно...
А если честно,
что тебя тревожит?
Что киловатт
становится дороже?
Конечно, нет.
Конечно, этот дух,
что разлетелся,
будто голый пух,
в одно мгновение...
Рассыпался, как пень,
ушел, как тень
от пьяных облаков...
Я не пишу стихов,
и это — не стихи.

Писал бы я,
да не дают грехи...
Живу и плачу,
плачу и живу.
А листья молча
падают в траву,
и я — не я,
хоть кем-то тут слышу...
Но иногда —
сажусь в большой автобус
и приезжаю
к вам в Череповец,
и думаю о чем-то
по дороге:
то ль о цене билета,
то ль о Боге...
Но что-то
разболтался я.
Конец.
А может, после нас
ведь тоже люди будут!
И может, может быть,
Нас не совсем забудут?..

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Осень,
как и положено ей,
пришла.

Дождик,
как и положено,
льется нудный.

Небо укрыла мгла,
Улицы немногочисленны.

Вечер —
чуть время за полдень —
настает.

Хмурый,
к тому ж безмесячный
и беззвёздный,
Птица не запоёт,
Лица у бродяг серьёзные.

«Здравствуй!»
мне никому не сказать
сейчас.

Видеть
я никого не хочу.
И сам несносен.

Но за мной волочась
Шлюхою, шпионит осень.

В душу
ветер всё старается в мою
влезть,

Вкрадчив,
а потом шустёр
и неистов.

Чую: во тьме не счесть
Жуликов и террористов...

Майский весёлый рассвет.
Солнце сияет и птички поют.
И, разливая божественный свет,
Вишни цветут.

Молод я был и горяч,
Знал, что меня здесь и любят, и ждут...
Вешнею памятью встреч, и удач
Вишни цветут.

Дивное время прошло.
Дворика с вишнями нет уже тут.
Но прохожу здесь — и юно, светло
Вишни цветут.

Здесь уж высотка стоит.
Вроде комфортно, и всё ж неуют.
Чудится, будто средь каменных плит
Вишни цветут.

Звонок и свеж поцелуй
Был. Не забыть тех прекрасных минут.
Молодость, ты, как и прежде, со мной.
Вишни цветут.

г. Череповец

Юрий МАКСИН

Надсадно и странно тоскливые
трубы пропели,
и юность и жизнь повернули
на вечный покой.
Как жаль, что не вспомнить себя
в золотой колыбели,
когда рядом мама поет о печали
земной...

Но я возвращаюсь к родимым
местам-оберегам,
в заветное царство знакомых людей
и зверей,
где крупные блески никем
не измятого снега
хранят чистоту и спокойствие
зимних полей.

Здесь русские звезды вовек
не осыплются с неба,
горящим дождем возвещая вселенский
закат.
Здесь в памяти вешней колосьями
спелого хлеба
осенние нивы, прощаясь,
протяжно звенят.

Не надо печали. Давайте под небом
старинным
бессмертную душу лелеять
до лучших времен.
Душа встрепенется, припомнив
былые картины,
надежную веру и гордость
славянских племен.

Андрей ШИРОГЛАЗОВ

ЭМИГРАНТ

В. Гагину

Запад. Запад, я — Восток.
Я лечу в Мадрид,
как оторванный листок
по ветру летит.
Ты спроси меня, спроси,
кто в том виноват,
что сегодня на Руси
шалый листопад.
Закрутило на ветру
брошенный листок...
Запад, Запад, я умру,
глядя на восток.
Упаду лицом вперед,
и меня навек
равнодушно занесет
европейский снег.

Павел ШИРОГЛАЗОВ

Шли поэты на Голгофу.
Как солдаты в смертный бой.
Предвкушали катастрофу
И смеялись над собой.
Шли поэты друг за другом,
Каждый нес с собой свой крест.
Я смотрел на них с испугом
Из неотдаленных мест.

г. Череповец

Ольга КУЗНЕЦОВА

КАМЕННЫЙ МОСТЬ

Вологодский Арбат, хватит бытъ
дикарем,
Поскорей, поплотней заселяйся.

И безумный поэт — фонарем,
звонарем —
Над далекой водой возвышайся.
Нарисованных окон воспой грубый
холст —

В нищете и заплата — за благо.
И спесивую букву в названии «мось»
Научи нас читать так, как надо.
Под глухою стеной, где укрыт парает,
Потеснись, молодая торговка.
Ты за это узнаешь блаженства
секрет —

Пригодится в обмане сноровка.
А картин принесут — их горящий
букет

Станет праздником белого света.
А измятых рублей в торопливой руке
Ни к чему пересчет. До обеда.

Борис РЫЖИЙ

Над саквояжем в чёрной арке
всю ночь играл саксофонист,
пропойца на скамейке в парке
спал, подстелив газетный лист.

Я тоже стану музыкантом
и буду, если не умру,
в рубаше белой с чёрным бантом
играть ночами на ветру.

Чтоб, улыбаясь, спал пропойца
под небом, выпитым до дна, —
спи, ни о чём не беспокойся,
есть только музыка одна.

Похоронная музыка
на холодном ветру.

Прижимается муза ко
мне: я тоже умру.
Духовые, ударные
в плане вечного сна.
О мои безударные
«о», ударные «а».
Отрещённость водителя,
землекопа возня.
Не хотите, хотите ли.
и меня. и меня
до отверстия в глобусе
повезут на убой
в этом жёлтом автобусе
с полосой голубой.

Сергей БОНДАРЕНКО

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Идёт, шатаясь, с новоселья
Крестьянский сын,
Хлебнул изрядно для веселья
Зелёных вин.
Идёт по лужам без опаски
(Раздайся, грязь!),
Шагает — лапотной закваски —
Удельный князь.

Он мечет новую фуражку
В глубокий пруд:
Лягушки — горло нараспашку —
Пусть не орут!
В порыве песню затевает —
«Шумел камыш».
И зычный голос достигает
Далёких крыш.

Тут, на беду, преградой вырос
Родной порог.
Сын допустил неверный выброс
Неверных ног.
Увы, не справился с порогом
На этот раз.

Зашиб, сердешный. ненароком
Ступенькой глаз.

Любое море — по колено:
К чертям катись,
Гори огнём, как то полено,
Собачья жись.
Он матерится при народе,
Срывая глас.
Сверкает, мощной лампы вроде.
Подбитый глаз.

Вот из забора выдирает
Побольше дрын...
Да-а, дров немало наломает
Крестьянский сын!
И плачет жёнка по соседству
Сквозь стыд и срам,
Что достаются по наследству
Её сынам.

Александр КРУГЛИКОВ

* * *

Я бы маму, обняв, пожалел,
Я бы обнял отца на прощанье.
Не сумел, не успел, «прогудел».
Виноват я и нет оправданья.

Я бы, я бы... Но поезд ушел.
Я остался один на вокзале...
Вот и всё. Вот и всем хорошо.
Почему же хоть плачь от печали.

Поскорей наступил бы рассвет,
Чтобы снова забыться с рассветом.
... Подарить бы любимой букет.
Мне бы только успеть за букетом...

Анастасия ПОПОВА

* * *

Что сетовать? Пусть мчатся годы!
Нет, каждым мигом дорожить!
Для созидющей природы
Мы дети, — рождены творить.

Любовью мир преображать,
И пусть Земля несовершенна,
Ждать чуда, чудо приближать.
Вот для чего живём, наверно.

г. Череповец

Наталия КОМЛЕВА

* * *

Я стояла за спиной, за спиной,
за спиной.

Руку я к груди прижала.
Неужели ты со мной?

Не ответил на вопрос, на вопрос,
на вопрос.

Как теперь начну сначала?
Ветер все слова унёс.

Я стояла позади, позади, позади.
И предчувствие покоя
Разлилось в моей груди.

Положила на плечо, на плечо,
на плечо

Я ладонь свою, —
С тобою мне светло и горячо.

г. Череповец

А. МАРТЫНОВСКИЙ

ОСЕННИЕ ГРОЗЫ

Осенние грозы напомнили мне
Про вешние ливни в родной стороне.
И стало на сердце тепло и светло,
Как будто на время вернулся в село.

Где детство осталось средь белых берёз,
Где робко коснулся я девичьих кос.
И маму запомнил совсем не седой —
Молодой, молодой, молодой.

Осенние грозы — итогов пора.
Распряжены кони, стоят у двора.
Колышется в памяти спелая рожь.
В объятиях радуги солнечный дождь.

И нету на свете роднее земли.
О ней загрущу, оказавшись вдали.
Но только во сне возвращаюсь домой —
Молодой, молодой, молодой.

г. Череповец

ЮДЖИН

* * *

Уж свет потушен.
Раздёрну шторы на окне.
И — полночь слушать,
Довериться тишине!

Язык немеет.
Но мысль в пути — желанный гость.
Во мраке зреет
Рябины пламенная гроздь.

г. Череповец

Михаил ГРИГОРЬЕВ

* * *

Палачу вручили орден —
индальгенцию иуде,
по заслугам надо б ордер,
но пока он неподсуден.
Как и встарь, закон — что дышло,
но любая власть не вечна,
будет суд земной и Высший
за грехов бесчеловечность,
за предательство народа,
бездны боли и страданий...
Пьет держава яд исхода,
жаждой выжить заеда,
пьет коньяк палач-иуда
за здоровье беспризорных...
Тащит бомж сдавать посуду...
Жить противно и позорно.

г. Вологда

Галина КОНСТАНСКАЯ

* * *

Господи, сохрани,
Господи, пожалей
дочку мою
и двух сыновей!
Только для вас
молитва моя,
доченька милая
и сыновья!
Пусть непутевые,
пусть невезучие,
дети, вы самые —
самые лучшие!
Копия мамина,
радость моя —
доченька милая
и сыновья.

Все впереди у вас:
годы и дни...
Господи, пожалей!
Господи, сохрани!

г. Череповец

Анна БЫСТРОВА

* * *

Мы глядели в квадратные окна,
С темнотой и огнями сливаясь.
И колеса с сердцами так звонко
В перестуке спокойном спевались.

Наши взгляды встречались случайно.
Грели руки стаканами с чаем.
И над всеми какая-то тайна
Разлила свою нежность нечаянно.

Говорили, смеялись и ждали
Серых крыльев слепого рассвета
И еще ничего не узнали,
Но уже говорили об этом.

И казалось, что будем мы вечно
В длинном змее катиться по свету,
Подбирая таких же беспечных
Пассажиров со станций планеты.

г. Устюжна

Александр ЯКУНОВ

* * *

...И незаметно наступает осень.
Не осень жизни — осень как сезон.
Крепчает ветер, и уже несносен
в отёках туч тяжёлый горизонт.

Я люблю сейчас зимнюю стужу,
Я любил бы и серенький дождь,
На задворках огромную лужу
И помоек духовную дрожь.

Помечтаем. Та лужа откуда?
Люди скажут: «Дубинина блажь!»
Напророчил и умер, паскуда!
Все стишки, когда нужен дренаж».

Взаперти... Словно узник... Под пули!..
Размечтавшись, дошел до ворот.
Ветер жгёт, хулиганит и в скулы
Жёстким снегом, отчаявшись, бьёт.

Виталий СЕРКОВ

* * *

Казалось, что жизни не будет
без армии.
Я сам удивляюсь тому, что живой,
Что дарят мне птицы рассветные арии,
И радуется шорох воды дождевой.

Но сердце-то бьется, по-прежнему
йокая,
Когда перекроенный слушаю гимн,
Иль в трубку ответит мне Вологда,
«окая»,
И друг называет меня дорогим.

Порой угораздит «майором»
представиться,
Когда телефон затрезвонит с утра.
Жена хохотнет: «Ишь, как звание
нравится!»
Пора уж отвыкнуть...» Отвечу:
«Пора...»

СОВЕТ

«Авось в грядущем ты
все же выкроишь
аршин бессмертья и для меня...»
(В. Клебанов. Сб. стихов «Лирика и юмор»)

«В корявой коре коряг...»
(В. Клебанов. Из ранних стихов)

Стоит к святым вратам очередида.
В ней тесно так — ни охнуть,
ни вздохнуть.
Порядок строг, и давит скуотища.
Ни боком, ни ползком
не прошмыгнуть.

Ты съезди-ка к бессмертному Коцею.
Уж он, до разных выдумок горазд,
За рифмы и слова «намылив шею»,
За золото аршин бессмертья даст.

А если не сойдется с этим скрягой
В цене, не оставайся в дураках —
Убей его «корявою корягой»
И сразу обессмертишься в веках.

Альфред ХОХРЯКОВ

* * *

Если ничего не происходит,
Значит, все уже произошло...
Снова день в небытие уходит,
Остается в памяти тепло.

Будущего радостных мгновений
Приближать к себе не тороплюсь,
Ждать не буду лучших изменений,
Будет то, что будет. Ну и пусть.

Пусть идет без цели и без плана
Время, беспредельностью маня,
Но скрывает будущего тайна
День, который будет без меня.

Все ж не стоит думать об Исходе,
Смерть — закономерность, а не зло...
Если ничего не происходит,
Значит все уже произошло.

г. Череповец

Зинаида БОРОУХИНА

РУБЦОВСКАЯ ОСЕНЬ

Рубцовская застенчивая осень
По полям шагает неспешна
То накидку золотую бросит,
То в багрянец выкрасит леса,
То затянет небо синим шелком,
Солнца непальющее тепло...
А взгрустнет, и мелкий-мелкий дождик
Робко постучит ко мне в окно.
Так же робко к нам поэт стучался,
Но не достучался до сердец.
Может, потому и повстречался
с той, что подарила ему смерть.

г. Сокол

Вера ФИЛИПОВА

* * *

Будто высохла вся до дна
кро - вуш - ка...
Ой, Россия, напои меня
вво - люш - ку...
Россынь ромашки по лугам
вдоль рек.
Не видала их — век.
Растворюсь среди них — вся,
Заласкаем друг друга
до - пья - на...
Ветерок заскользит ладонями
Нежными, теплыми, томными.
Расплетет тебе кудри с проседью
И забуду, что время —
к осени.
Зазвенит душа, запульсирует:
«Люблю Россию я,
Россию милую!»
Поклонюсь до земли тебе
И глаза в глаза скажу:
«Матерь Божия!
Благодарствую,
За то, что сил дала
Снова мчать по бездорожью...»

г. Череповец

АВТОГРАФ

Н. БУШЕНЕВ

... Но всех словесных
эквивалентик
снег серебристей,
снег серебристей.

Всегда искусней
любовь изтра
лавина ливня,
порохове ветра.

Осмысли сердцем,
прими; как данность,
не изощрённости,
а многогранность.

В мире Рубцова

Вячеслав БЕЛКОВ

ЗВЕЗДНЫЙ ГОД НИКОЛАЯ РУБЦОВА (окончание)

В августе познакомился с вологжанином Алексеем Шиловым, своим первым композитором. В начале августа побывал в Липином Бору (Вологодская область). Бывший тогда редактором районной газеты Василий Елесин, вспоминает: «...Я стал звать Николая домой.

— Вы идите! — ответил он, возбужденный грибной охотой. — Я еще поброжу немного.

— Не заблудишься?

— Нет, что ты! В лесу я хорошо ориентируюсь.

Мы успели прийти домой, переоделись, вычистили грибы, а Рубцова все не было. Наконец он появился, слегка под хмельком и с пустым ведром.

— А где же грибы? — пошутила моя мать, встречая гостя.

— Понимаете, Анна Александровна, зашел я в здешнюю чайную стакан плохого вина выпить, а ведро поставил у крыльца в крапиву — почти полное, и все белые! Вышел из чайной — ведро на боку и совсем пустое...

Переодевшись в сухую рубашку, он сел за стол, с аппетитом принялся за грибы. После ужина мы пошли побродить по поселку, напоминавшему большой сосновый парк... Разговаривая (если бы помнить, о чем!), мы встретили знакомого мне милиционера. Тот стал приглашать в гости.

— Не могу, — отбивался я. — Видишь, у меня у самого гость!

— Пойдем, Вася! — вдруг решительно сказал Рубцов.

— Да зачем?

— Пойдем. Ты ведь знаешь, что я поэт, что мне все интересно! Интересно вот посмотреть, как милиционеры живут...

В тот приезд Рубцов пробыл в Липином Бору несколько дней, а недели через две приехал снова, на этот раз в составе группы вологодских писателей, на теплоходе... Но об этом чуть позже.

Еще об одном летнем эпизоде я чуть не забыл. 15 июля Рубцов пишет заявление в обком партии — «от члена вологодского отделения Союза писателей РСФСР Рубцова Н. М.» Вот его начало и конец: «Прошу Вашей помощи в предоставлении мне жилой площади в г. Вологде. Родители мои проживали в Вологде. Я тоже родом здешний. Жилья за последние несколько лет не имею абсолютно никакого...

В заключение хочется сказать, что меня вполне бы устраивала и радовала жизнь и работа в г.Вологде». Правда, это еще вопрос — был ли в то время поэт членом Союза писателей. Я спрашивал некоторых вологодских писателей, они не помнят, как Рубцова принимали в Союз. По другим данным, его принимали сразу в Москве, но было это позднее.

После Липина Бора (другое название — Вашки) поэт побывал (видимо, как обычно, через Вологду) в древнем Белозерске. 17 августа белозерская районная газета «Новый путь» написала, что в течение нескольких дней в творческой командировке в районе находились поэты Николай Рубцов и Сергей Чухин. Они встречались с читателями. В конце поездки они побывали в редакции. «Имя поэта Николая Рубцова широко известно читателям. Его стихи печатались...» (ошибочно указан и журнал «Новый мир»). В этом же номере газеты опубликованы стихи Чухина и пять стихотворений Рубцова: «Ночь на родине», «В старом парке», «Купавы», «Зеленые цветы» и «Я вспоминаю, сердцем посветлев...»

В стихах «Зеленые цветы» редактором (или по просьбе редактора) изменено слово — «Светлест мысль, когда цветут...»

Видимо, во время этой поездки поэты выступали и перед заключенными, в колониях. Известно, что Рубцов получил за эту работу благодарность от областного УВД.

19 августа Рубцов упомянут в «Правде», в обзорной статье о поэзии. Можно было бы сказать, что поэт «купается в славе», если бы, конечно, Рубцов хотел и умел это делать.

Приближается поездка писателей по Волго-Балту. Из Москвы прибыли А. Яшин, Дм. Голубков (позднее покончивший с собой) и, возможно, кто-то еще. Вологодские писатели были почти в полном составе. Видимо, сначала все собрались в Вологде, но начальным пунктом творческой поездки считается Череповец. Здесь писатели побывали на судостроительном заводе, а потом на маленьком теплоходе с «поэтичным» названием «Теплотехник» начали свое путешествие «Череповец-Вытегра» с Шекнинского водохранилища. Об этой поездке немало написано, я постараюсь рассказать о ней конспективно, с привлечением новых фактов. В поездке участвовал и оператор местного ТВ Александр Тихомиров, поэтому ход ее запечатлен для нас на киноплёнке. Очевидно, это единственный видео-материал, который запечатлел живого Рубцова. На некоторых кадрах его — поэт читает свои стихи, улыбаясь и взмахивая правой рукой.

Итак, двадцатые числа августа — теплоход отчаливает от пристани. Из дневника Александра Яшина: «Август 22. Ночуем на теплоходе первый раз. Моя каюта верхняя справа перед носовым салоном. Ночь холодная. А вообще погода исправилась. С утра капитан Александр Иванович завел теплоход среди деревьев (лесу стоячего затоплено много), и мы наловили окуней на уху...»

С этого дня и до конца года мы можем проследить жизнь Рубцова почти по дням. Чрезвычайно насыщенное для него время!

25 числа Яшин записывает: «В Топорне свернули из Шексны, разлившейся как море, в Северо-Двинскую водную систему в сторону озера Кубенского к Кириллову. Тут шлюзы древней конструкции, деревянные... Н. Рубцов на рыбалке: «Червяки-то какие хорошие, прямо слюнки текут...» Вечер в Кириллове всем был по душе, удался: и народу много, и мы были в приподнятом настроении...»

Писатели побывали в Ферапонтове, на экскурсии в Кирилло-Белозерском монастыре. В фильме о поездке (он, кстати, без звука) видно, как ходят писатели по монастырю, как сверкает лысинка Рубцова. Коротав еще без бороды, Белов еще курит...

27 августа — литературный вечер в Белозерске, в Доме культуры. Это воскресный день. Открыл вечер 1-й секретарь райкома партии, вел вечер руководитель делегации поэт Александр Романов. Выступили В. Коротав, Н. Рубцов, Н. Кутов, Л. Беляев, С. Чухин, Б. Чулков, Д. Голубков, В. Белов, А. Романов, А. Яшин.

Видимо, на этом вечере Кутов сказал, что после Рубцова, которого принимают «на ура», выступать трудно.

Рубцов подписал читательнице Гале Калининой «Звезду полей». Вероятно, подписал и многим другим, так как книжки продавались прямо на вечере. И были в книжных магазинах области и Вологды.

28 августа. Из дневника Яшина: «Понедельник. Село Липин Бор — Вашкинский район. Тут рыбацкие колхозы... Вынимали рыбу из сетей... На вечере в Доме культуры... После вечера опять банкет. Пить больше не могу... Рубцов пьяный нехорош, но поэт редкого дарования».

Здесь, наверное, можно вспомнить о психологическом опыте, который проделал Рубцов в эти дни. В самом начале путешествия. Вот как об этом сам поэт рассказывал позднее Л. Дербиной: «Ты знаешь, Люда, два года назад я вот так же плыл с Яшиным. Ну, и еще кое с кем. Ты никогда не видела его? А жаль! О, это был настоящий русский мужик, талантливый, с таким сильным, немного глуховатым голосом, такой бравый! Мы так вот плыли тоже, на пристанях нас много народу встречало. Яшину все наши вологодские книжки свои подарили, а я не дарил. Я все ходил, разговаривал с Яшиным, а книжки своей не дарил, все тянул. Думаю, посмотрю: обидится он на меня или нет? Он потом уже сам не выдержал. Купил сам мою книжку, подходит ко мне, будто бы сердитый, а сам так лукаво на меня исподлобья смотрит и говорит: «На! Подпиши! Я вот разорился все-таки на 15 копеек!» Ну, я уж тут ему подписал! От всей души размахнулся! А он тогда уже больной был, но вида никакого не подавал. Когда в Тотъме (видимо, ошибка. — В. Б.) на пристань сходили, он приблизился ко мне и только мне одному, только мне, знаешь, что сказал? Сказал вот это: «А ведь ты меня сильней!» И больше ничего. И я ничего.

— Ты возражать не стал? — усмехнулась я.

— Нет, не стал.

— И правильно сделал...

— Да, но ты, Люда, учти, что тогда он был всеми признанный, автор множества сборников, много переживший, умудренный поэт, а у меня — одна маленькая книжечка «Звезда полей». А ведь вот сказал же он так! Сказал!..»

Конечно, для Рубцова важна была поддержка Яшина, авторитетного человека. Яшин в конце этой поездки по крайней мере дважды публично говорил о большом таланте Рубцова. И если кто-то в кругу вологодской интеллигенции и недолюбливал автора «Звезды», или завидовал ему, теперь они вынуждены были примолкнуть.

Я бы обратил внимание еще на один момент. Поэт называет Яшина мужиком. Здесь нет ничего оскорбительного, и никакого побочного смысла Рубцов в это слово тут не вкладывал. Но, кстати, можно задуматься, что в литературе нашей, действительно, много было и есть мужиков. В какой-то степени это касается, например, Ф. Абрамова, В. Солоухина и др. И бабы тоже есть в литературе. А Рубцов, как всякий гений, он не мужик. Он — поэт.

Итак, 27 августа Рубцов написал на своей книжке: «Александру Яковлевичу Яшину с вечной любовью и благодарностью». На следующий день в Вашкинском Доме культуры поэт прочитал стихотворение

«Я забыл, как лошадей запрягают», которое очень нравилось Яшину. В этот же вечер Рубцов подарил «Звезду» своему другу Василию Елесину. Путешествие продолжилось.

Как писала одна из районных газет (автор заметки, видимо, Леонид Беляев), «при полных залах проходили встречи с читателями Шексны и Чебсары, Кириллова и Вашек, Белозерска и Вытегры... Хлебосольество вашкинских рыбаков, вместе с которыми писатели ловили рыбу, а потом на берегу Белого озера варили поистине царскую трехведерную уху...»

2 сентября вытегорская районная газета сообщила о литературном вечере в местном Клубе речников, который состоялся накануне, видимо. Первым читал стихи Коротаев, потом Рубцов — «Старая дорога», «Портовая ночь», «Про любовь», «Добрый Филя», «Я забыл, как

лошадь запрягают...» В этом же номере газеты публикуются стихи участников вечера. Рубцовских нет. В сентябре газета еще два раза печатала стихи гостей, но только не Рубцова. Этому есть объяснение — редактор районки Е. Ермолин не любил Рубцова, у них когда-то была ссора в Вологде.

Из Вытегры группа писателей вернулась в Вологду на самолете. Есть общая фотография участников поездки в аэропорту.

И вот важная запись Яшина, уже в Вологде: «2 сентября. Были у секретаря обкома Другова Вас. И. Рассказали о поездке. Просили опять за Рубцова. Обещал пока поселить в общежитии Совпартшколы... Обещание комнаты Рубцову».

Действительно вскоре поэт получил место в общежитии. Адрес — ул. Октябрьская, 19. Я разыскал этот дом несколько лет назад: двухэтажное каменное здание с балкончиками, стоит во дворе Совпартшколы. Нина Груздева тоже жила тогда в этом общежитии. Она рассказала мне, что второй этаж занимали слушатели школы, а внизу жили артисты, журналисты и Рубцов.

3 сентября газета «Вологодский комсомолец» публикует «Новые стихи А. Яшина и Н. Рубцова». В сентябре журнал «Октябрь» напечатал рецензию поэта Игоря Волгина (ныне известного литературоведа) на «Звезду полей».

6 сентября по итогам поездки состоялся большой литвечер в вологодском городском Доме культуры. Этот вечер хорошо описал журналист Александр Рачков. Полный зал народу. «Рубцов был в коричневом в темную полоску костюме, с аккуратно отточенными (по-флотски) стрелками на брюках... Внешность поэта, если и привлекала внимательный взгляд, то только скромностью одежды и напряженно-нервным аскетическим лицом с высоко оголенным лбом... Заметно было его волнение... Рубцов прочитал свое любимое «В минуты музыки»... Не любитель давать автографы, в ту встречу Рубцов охотно подписывал «Звезду полей». Его радовала не столько церемония подписания, сколько сами люди, в руках которых он видел свою книжку». (Едва ли мы можем точно знать, что радовало поэта).

После вечера был ужин в ресторане «Вологда». Там Рубцов по просьбе Яшина выдал экспромт «За Вологду, землю родную, Я снова стакан подниму!..» И там же произошел любопытный случай, тоже не раз описанный А. Рачковым (см. его книгу «Души волнующие струны» и другие публикации). Рубцов сидел рядом с Яшиным и известным столичным скульптором С. М. Орловым. Яшин повздорил с Орловым и отодвинулся от него. Сын скульптора, «оскорбленный за отца, иронически спросил:

— Вы, может быть, еще дальше двинетесь, Александр Яковлевич?

Яшин быстро повернул голову к Рубцову, чуть помедлил, потом оглядел все застолье, сверкнул глазами, и под усами у него растекалась улыбка:

— С удовольствием бы, но дальше — некуда. Там Рубцов». Да, это был звездный год поэта...

6 сентября на вечере Рубцов подписал книжку «Вячеславу Нестерову а также Леониду Бриленкову...» Я видел эту книжку в «Букинисте», продавалась за копейки примерно в 96-м году, но у меня из-под носа увели ее. А в 67-м поэт побывал у Бриленкова на новоселье (ул. Горького, 132). Существует фото, сделанное в этот день — Рубцов и Чухин на балконе, пятый этаж. В архиве поэта, эта фотография датирована, видимо, неточно.

7 сентября — Яшин, Рубцов и Романов сплавали на катере на рыбалку. По реке Вологде в Лежу. «На Леже варили грибы, картошку, рыбы не наловили» (Яшин). Этот день Александр Романов позднее подробно описал в очерке. А дневник Яшина я цитирую по журналу «Наш современник», № 7. 1988.

10 сентября Рубцов пишет очередную автобиографию. Видимо, для вступления в Союз писателей. В октябре он заполнит карточку по учету кадров СП СССР. Но в истории приема поэта в СП, есть какая-то путаница. Николай Коняев пишет в книге о Рубцове (серия «ЖЗЛ»), что «прием в Союз писателей Рубцов тоже прошел как должное, без особых восторгов. Заявление Рубцова в приемную комиссию СП РСФСР датировано 10 сентября 1967 года, рекомендации ему написали Феликс Кузнецов, Александр Романов, Василий Белов, Виктор Коротаев».

Ну, во-первых, заявление — это еще не прием и тем более не утверждение. Во-вторых, куда подевалась рекомендация Яшина? Или вокруг Рубцова какая-то борьба шла? И главное: в газете «Красный Север» 27 апреля 1968 года появилась заметка А. Сушинова о том, что из Москвы в Вологду пришла телеграмма: «Вологда, СП. Вл. Железняку, Н. Рубцову. Дорогие друзья! От всей души поздравляем вас с приемом в Союз писателей. Желаем новых творческих успехов. Правление СП РСФСР». И в этой же газете 6 сентября 68-го прошла заметка «Билеты вручены». Вот и вся история. Рубцов стал 12-м членом Вологодской писательской организации. Дождался наконец!

После 13 сентября поэт получил письмо от А. Гиневского: «Здравствуй, Коля. Когда-то, во времена «Нарвской заставы» мы бродили с тобой по ночному Петербургу и читали друг другу стихи... У тебя вышла отличная книга стихов «Звезда полей». Большое, большое спасибо тебе, старик, за нее. Ты сложился в поэта, если не сказать больше.

...Выслали тебе альбом репродукций художника Чюрлениса... по адресу: Вологда — союз Писателей. Там стихи Саломеи Нерис, но, к сожалению, подстрочника я не достал.

Коля, если тебя не затруднит, то пришли несколько стихотворений из ранее не публиковавшихся. Буду тебе благодарен. Ну и желаю тебе счастливой творческой маяты. Сашка Гиневский. Гродно. 13 сентября 67 г.

P.S.: В Гродно я пробуду еще два месяца».

22 сентября рецензию на «Звезду» публикует «Литературная Россия». Автор — Анатолий Передреев. А Вл. Соколов молчит.

Лирическое отступление. Называется «Буратино»: Московский поэт Владимир Соколов иногда называл Рубцова «вологодским Буратино», из-за длинного Колиного носа. Надо сказать, что поэты были хорошо знакомы. У Соколова (а он старше Рубцова на восемь лет) уже было стихотворение «Звезда полей». Конечно, не он первым из поэтов использовал этот образ, но все же Соколова задело, что свою книгу Рубцов назвал именно так, и что эта книга прославила «Буратино».

У Рубцова стихотворение «Звезда полей», написанное как отклик на соколовское, естественно, имело сначала посвящение — «Владимиру Соколову». Но позднее посвящение исчезло. Возможно, Рубцов сам снял его, поругавшись с Соколовым. Рубцов называл его «дачным поэтом», — на мой взгляд, совершенно справедливо. Вот это, вероятно, больше всего и обидело В. Соколова. Ну как же: какой-то молодой провинциал, пусть и талантливый, смеет так говорить о нем, уже признанном московском поэте!..

Прожил Соколов долго. Но обиду не простил — в своих многочисленных интервью и публичных выступлениях почти никогда не упоминал Рубцова. А зря. История все поставила на свои места — оказалось, что именно «Буратино» Николай Рубцов нашел «золотой ключик» поэзии...

В конце сентября Рубцов в Великом Устюге. Вспоминает партийный работник М. Субботин: «...Вечером после экскурсии зашли в гостиничную столовую.

— Коля, старик! — вскричал Сушинов, увидев за столиком невзрачного, смуглого человека.

— Михалыч (так звал меня Сушинов), познакомься, это поэт Рубцов, талантище!

Тот встал, мы назвали себя, поздоровались. Но хорошего разговора не получилось. Рубцов, к сожалению, был не в «форме». Стал что-то доказывать журналисту, как бы продолжая незаконченный ранее с ним разговор. Кое-как успокоив его, мы отошли.

Утром следующего дня мы снова заметили Рубцова в столовой, у буфетной стойки. Он считал в ладони мелочь, взял чай и бутерброд с селедкой. Был в пальто с поднятым воротником... Вид поэта, конечно, не сходился с его творчеством. Тягостное впечатление было от всего увиденного, но разочарования не было. Я знал, читал стихи Рубцова. Они были мне очень симпатичны...» (Газета «Наш голос», Вологда, январь 1998.)

Осенью Рубцов, по воспоминаниям поэтессы Лады Одинцовой, слушал ее стихи в Останкинском парке в Москве. Но, может быть, это было в следующем году.

В начале октября поэт в городе Соколе Вологодской области. Поехал туда из Вологды с журналистом А. Рачковым в гости к последнему. Провели там три дня. Рубцов вспоминал Яшина: «Жаль Александра Яковлевича... Большой человек... Осиротит ведь нас...» Ревновал Рачкова: «А почему ты с Беловым уехал в Ленинград?.. Не сердись. Поехал бы и я с Василием Ивановичем хоть на край света...» Говорил: «Мы будем петь и смеяться, как дети...» Я не раз слышал от Рубцова (говорит Рачков) эти строки. Обычно он иронизировал: «Смеяться... среди упорной борьбы»... Господи, какая бессмыслица!

— Но из песни слова не выкинешь?

— Надо выкинуть, если оно плохое.

— Эту песню поет народ...

— Не народ, а хор мальчиков Всесоюзного радио...

Говорил: «Не смей при мне читать мои стихи. Я лучше сам их тебе прочитаю».

Еще фрагменты этих интересных воспоминаний друга поэта:

«Общение с гармонью у Рубцова было особенное, свое. Когда он брал ее в руки, то словно совершал какое-то таинство... И не рвал меха, разводил их умиротворенно, благостно отдаваясь звукам... В эти мгновения он исповедывался, думал, пел и плакал — все вместе». Рачков знает, что говорит — он сам гармонист. Потом они пошли к его маме. По дороге Рубцов гладил ладошкой траву, пробивающуюся между досок и довольно еще зеленую:

— Вот такая ты умница. Тебя давят и топчут, а ты все поднимаешься и поднимаешься, — приговаривал Николай и ласкал, как кошку, увядающие и запыленные стебли... Ругал художника книги «Звезда полей». Мать Рачкова предсказала поэту скорую смерть... Плакал о том, что у него нет матери...

Рассказывая о творческом пути поэта, «Сокольская правда» от 17 октября отсылает читателя к статье в «Правде», опубликованной 19 августа 67-го, перепечатывая абзац: «...Наиболее приметное и самобытное явление — книга Николая Рубцова «Звезда полей», лучшие страницы которой захватывают чистым и проникновенным лиризмом и чем-то отвечающим есенинскому, но совершенно самостоятельным по своему характеру».

Рачков: «Для сокольчан Рубцов был всегда желанный гость. Журналисты «Сокольской правды» принимали его с восторгом...»

В эти же дни подписал Рачкову «Звезду». Был во всем требователен к себе, и первый вариант подписи вырвал и выбросил. Вот окончательный вариант: «Талантливому и дорогому Саше Рачкову, очень по-дружески, по-моряцки от автора. 6.10.67 г. Н. Рубцов. г. Сокол». Рачков тоже служил на Флоте.

14–16 октября Рубцов в Шексне (поселок недалеко от Вологды). Сохранился приказ от редакции газеты «Вологодский комсомолец»:

«Командировать внештатного корреспондента Рубцова Н. М. в Шексну на 2 дня с 14 по 16 октября с.г. Редактор газеты — В. Оботуров».

20 октября — «Новые стихи Н. Рубцова» в «Вол. комсомольце»: «Детство», «В кочегарке» (это не новое), «В старом парке». Видимо, поэт живет уже в общежитии, первом «своем» жилье.

11 ноября — стихи Рубцова в газете «Красный Север». В следующем году за стихами поэта начнут буквально охотиться толстые московские журналы. Появятся несколько журнальных рецензий на его «Звезду».

20 ноября написал рецензию на стихотворную сказку Б. Котельникова «Иван и черт». В писательских организациях был раньше такой способ немного заработать — рецензировать рукописи начинающих и не очень.

22 ноября в «Литгазете» появилась рецензия Ст. Куняева на «Звезду полей», высокая оценка творчества Рубцова.

В декабре поэт попал в вытрезвитель. Сообщение номер 11230: «7 декабря 1967 года в медицинский вытрезвитель города Вологды... был доставлен член Вашего коллектива Рубцов Николай Михайлович — писатель... Просим обсудить недостойное поведение гражданина Рубцова и о принятых мерах сообщить...» Бумага эта была направлена в писательскую организацию и, видимо, в общежитие, где жил поэт. Партийное начальство отреагировало так — Рубцова перевели в общагу рангом пониже, для комсомольских работников. А в вытрезвителе еще на 10 рублей оштрафовали, да сфотографировали на память, на фото Рубцов грустный-грустный.

По странному совпадению именно в этот день стихи поэта опубликовала главная газета страны — «Правда». Рубцов был рад этой публикации, его вдохновляло, что стихи его прочитают несколько миллионов человек сразу.

На одной из новогодних открыток, посланных Рубцову, стоит дата 28 декабря, и адрес — Вологда, ул. Ветошкина, 103, к.50. То есть на новое место поэт переехал примерно в середине декабря. Но адрес на открытке написан неточно. На почте его поправили химическим карандашом: «105—50». Этот адрес называет и журналист Альберт Третьяков, который в ноябре получил здесь комнату. Соседями поэта были комсомольские работники, люди, конечно, разные, но об одном из них Рубцов высказался так: «Я не могу с ним говорить!»

Кто хочет, может подойти в Вологде к этому дому и посмотреть — с виду обычный жилой дом, панельный, пятиэтажный. В 67 году он был совсем новый.

В книгах о нашем поэте часто публикуется неоконченное его письмо к Другову, одному из секретарей обкома партии. Его датируют почему-то концом 68 года, хотя по содержанию видно, что оно написано почти на год раньше. Фраза из письма: «Нас в комнате проживает трое...» Может, письмо потому и не дописано, что вскоре Рубцов (в начале следующего года) получил наконец свою собственную комнату в квартире с подселением. Это уже не общага, как ошибочно считает Н. Коняев... Видимо, немалую роль сыграла и публикация стихов поэта в «Правде»...

Забыл еще одно событие. 22 ноября Рубцов вместе с А. Романовым и В. Коротавым выступил перед читателями в Сокольском горкоме партии. Затем местный учитель Ф. Марон (позднее эмигрировавший в Израиль) пригласил поэтов к себе домой. Посидели там, выпили, Рубцов подписал хозяину сборник «Звезда полей» (см. «Сокольскую правду», 19 января 1991 г.) Да, Марон заметил, что друзья побаиваются острого языка Рубцова.

Продолжаются декабрьские события. В начале месяца снова побывал в Соколе (см. «Красный Север»), 9 декабря пишет письмо Юрию Кулику — просит достать и выслать конт-

рольные работы за 5-й курс литинститута. Вскоре снова побывал в Липином Бору, третий раз за год. 11 декабря получил телеграмму из Николы: «Будем в Вологде 12, Челюскинцев 41, кв. 2. Гета, Леночка».

Из воспоминаний Н. Старичковой: «И тут...Коля торопливо подошел к двери, повернул ключ, схватил меня в охапку, повалил меня поперек своей кровати и, уткнувшись лицом в мой распахнутый ворот шубы, жарко и часто дыша, зашептал: «Гета, Гета, Гета!» Словно молния пронзила мой мозг: «Он не видит меня, он видит ее, свою жену, он по-прежнему любит ее». Резко освобождаюсь от сильных объятий... открываю ключом дверь и опрометью, словно меня гонят, выбегаю на улицу...»

14 декабря стихи поэта в районной газете «Волна». 18 декабря пишет письмо Елесину: «Вася, очень прошу: вышли газету со стихами Нели Старичковой, где рассказ Сережи. Вышли на Союз писателей. Крепко жму твою благородную руку. Н. Рубцов».

22 декабря — стихи поэта в газете «Вол. комсомолец». В конце месяца отдал несколько стихотворений в газету «Красный Север», опубликованы 1 и 4 января. Видимо, перед самым НОВЫМ годом получил поздравительную открытку из Москвы от Игоря Лободина: «...вспомнишь нашу бурсу. На днях я был в Курске на семинаре, а после работы всей курской писательской братией хором пели твоё — «В горнице моей светло...» Там хорошо знают тебя...»

Это ли не высшее признание поэта? Тут бы можно и точку поставить, год-то кончился. Но «слова два прибавлю я...»

А тем временем... в 1967 году в театре, например, Олега Ефремова ставилась пьеса Зорина о декабристах, пьеса Свободина (какая фамилия!) о народовольцах, пьеса Шатрова о большевиках! Наши диссиденты ликовали!

Много лет спустя, журналист Парфенов, обозревая 67-й год в телепередаче «Намедни», даже не упомянул знаменитую книгу Рубцова, великого поэта. Зато говорил о Высоцком, «Литгазете», Юрском, КГБ, кримшлене, Израиле и т.п. Такая уж дана установка...

Между тем, в 66–67 годах в литературе произошли три важнейших события — «Правильное дело», «Мастер и Маргарита», «Звезда полей». Рубцов сделал свое дело — спас честь советской, русской поэзии. И звездное время поэта еще продолжалось...

Виталий СЕРКОВ

«ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ»

*(размышления и догадки об истоках
одного из стихотворений Николая Рубцова)*

Чем дальше отступает дата трагической гибели замечательного русского поэта Николая Михайловича Рубцова (19 января 1971 года), тем глубже исследуется его творчество и жизненные пути, тем больше отыскивается документальных свидетельств о его жизни и творчестве. Но далеко не все, видимо, можно узнать, изучить, доказать. Кое о чем приходится просто догадываться.

Вот и я решил поделиться некоторыми соображениями и размышлениями по поводу моих догадок об истоках рождения его стихотворения «Осенние этюды», созданного поэтом в зрелом возрасте и написанного белым стихом, что было не совсем свойственно Рубцову. Однажды прочитав строки:

...Как хорошо! — я думал. — Как прекрасно:
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук.
Да, да! Болотная гадюка
За мной все это время наблюдала
И все ждала, шипя и извиваясь...
Мираж пропал. Я весь похолодел.
И прочь пошел, дрожа от омерзенья...
Но в этот миг, как туча над болотом
Взлетали с криком яростные птицы,
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой,
Что стало мне опять не по себе...
«С чего бы это птицы взбеленились? —
Подумал я, всё больше беспокоясь, —
С чего бы змеи начали шипеть?»

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отравы
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Я понял это, как предупреждение, —
Мол, хватит, хватит шляться по болоту!
Да, да, я понял их предупреждение, —
Один за клюквой больше не пойду..., —

я вдруг подумал, что где-то уже читал об этом: о клюкве, о человеке, попавшем в беду на болоте, о воронье и змеях, как символах беды человеческой. Понимая, что стихотворение могло быть навеяно только личными переживаниями, сложившимися к тому времени жизненными обстоятельствами, одиночеством поэта и многим другим, я всё же возвращался и возвращался к образам и символам стихотворения и пришёл к мысли, что надо поискать их источник. И вскоре нашел подтверждение своим догадкам в оборотистой сказке-были Михаила Пришвина «Кладовая солнца», где описана жизнь двоих детей-сирот Нasti и Митраши, которые однажды по весне пошли на дальнее болото за клюквой, но в пути поссорились и разошлись по разным тропам, не желая друг другу уступить.

И потеряли друг друга. К тому же Митраша по неосторожности провалился в трясину и начал тонуть.

Еще до того, описывая природу, состояние человека, находящегося в полном одиночестве на огромном болоте, и его ощущения, Пришвин вводит образ ворона, как предвестника беды: «Весной и у ворона тоже является особый крик, похожий на то, как если человек крикнет горлом и в нос: «Дрон-тон». Есть непонятные и неуловимые нашим ухом оттенки в основном звуке, и оттого мы не можем понять разговор воронов, а только догадываемся, как глухонемые.

— Дрон-тон! — крикнул сторожевой ворон в том смысле, что какой-то маленький человек с двойным козырьком и ружьем близится к слепой елани и что, может быть, скоро будет пожина.

— Дрон-тон! — ответила издали на гнезде ворон-самка. И это означало у нее: — «Слышу и жду!»

Митраша из-за детского упрямства все приближает беду, а Пришвин, используя голоса птиц, создает тревожную обстановку в самой природе, как бы желая помочь герою заметить и предотвратить ожидаемую его беду. « — Чьи вы? — закричал в это время чибиб.

— Жив-жив! — ответил кулик.

— Дрон-тон! — еще уверенней крикнул ворон. И кругом в елочках затрещали сороки».

И далее в сказке-были, уже после того, как Митраша попал в беду, автор использует птиц и их поведение.

Параллельно идет описание «путешествий» по болоту Насти. Здесь к предыдущим символам беды и тревоги добавляются змеи.

«Ядовитые змеи-гадюки в это время года стерегут тепло, и одна громадная, в полметра длиною, выползла на пенё и свернулась колечком на клякве. А девочка тоже ползла по болоту, не поднимая вверх головы. И так она приползла к горелому пню и дернула за самую плоть, где лежала змея. Гадина подняла голову и зашипела». И далее: «Настенька изумленно смотрела на змею: гадюка по-прежнему лежала, свернувшись колечком в теплом луче солнца». А еще дальше: «Она опять поглядела на пенё, где лежала змея, и вдруг пронзительно закричала: — Братец, Митраша!»

Может быть, все то, о чем мне подумалось и что показалось, — чистейшей воды фантазия, плод моего воображения. Но, ни разу не встретив в работах и воспоминаниях о Рубцове каких-либо творческих пересечений с произведениями Михаила Пришвина, я подумал, что мои догадки будут интересны исследователям его творчества и читателям. Тем более, что Николай Рубцов, испытавший сам раннее сиротство, вряд ли остался бы равнодушным к судьбе героя произведения М. Пришвина. А если предположить, что сказку-быль Рубцов не читал, а образы и символы ее витали в воздухе и прекрасным образом пересекались с размышлениями поэта, в результате чего родилось это замечательное стихотворение, то можно говорить о духовной близости и сходности восприятия окружающего мира двумя замечательными русскими писателями.

АВТОГРАФ

НИКОЛАЙ АСТАФЬЕВ

Всё
Томский
на дороге
о мимолётности
Перевала —
Н. Астафьев
1.10.2002

x x x

Я вижу его, как живого.
Он шел и гнал мне слухи,
растягивал каждое слово,
слухи его были тихи...

Рубцов, обнимал гитару,
не шел, а, казалось, родал,
и свергли мурлыкой отарок
возвращенный лоб освещал.

И з говорил, что печатать,
это это печатать пора,
а он отвечал мне: «Не надо...
Давай доживем до утра.»

Как встретились, так и расстались...
В рассветной нахлывшей мне
мелодий разлётне стал
витать и тронуть к земле.

О чём же со мной говорил он?
О чём? — Я припомнил с трудом:
о доле, о доле, о любви,
о кляне над жёлтым лугом.

14.08.2002

С.-Петербург

Н. Астафьев

Александр РУСАНОВ

* * *

О мира летнее застолье!
Слетаются сюда шмели
Со всей к нам ласковой земли,
Которой стол — святое поле.

Всему дано преумноженье.
Богатства русские нам впрок.
Спешит куда-то мотылёк
В своё неведомое тленье.

И солнцу хочется быть с нами —
Разбавить слепоту ночей,
Под осиянием лучей
Земля украсилась цветами.

И, не кончаясь, ходит лето,
Переворачивая год,
И Бог, как ни крути, всё Тот —
Незримый, в переливах света.

Да как нам вычеркнуть всё Божье,
Когда останемся в тиши,
Когда не будет ни души,
И небо — будто бездорожье!

* * *

Утра торжественно близится месса.
Вот закричали нестройно грачи.
Прочь удаляется праведник-месяц.
Первые солнца блеснули лучи.
Бабочка-липка, скорее рассмейся!
Божья коровка, на небо умчи!

Празднично всё в этом тёплом июне.
Звуки настроив на радостный лад,
Звонче играйте, рассветные струны!
Пусть в колокольцы росинки звенят!
Птички — восторженны,

чисты и юны —
Пусть попоют, понишат, посвистят!

Пусть облаков возвышаются горы! —
Великолепен растущий рассвет.
Солнце вздымается мощно и споро —
Пусть восхищается солнцем поэт!
Тенью на запад, бессильною скоро,
Ночи бежит ускользающий след.

Утра звенящего лёгкая свита —
Ветры, командуйте наперебой!
В каждое место, где солнце разлило,
Свежести новый несите настой!
Всё оживлённо, воздушно, умыто!
Юного лета играет гобой!

* * *

Тише, тише — небо снова голубое.
Вечер, вечер деревенский весь в покое.
Ветер замёр — поле убрано пшеницы.
Собираются по стаям звери-птицы.
Начинаются к зиме приготовления.
В разговорах и движеньях замедленье.

Вечер, вечер —
ходит всюду телом смутным,
Открывая счёт созвездьям
многочудным.

Ветер замер —
успокоились все краски.
По деревне ходят странниками сказки.
В чанах пиво бродит-варится-клубится,
И зима уже ночами снится-снится...

* * *

Банальная осень, банальный сентябрь.
Ссыплются листья, гонимые ветром.
Сквозь марево солнце —

холодный янтарь —
Горит нескончаемо сладостной верой.

Пустынно в аллее. Мелодия грёз.
Дышать и дышать бы,
забыв про былое,
Деревья поставлены прямо и в рост,
И листья то стихнут, то кружатся роем.

Качели скрипучие. Ворона крик.
Целуется тополь со сломанной липой.
В траве между ними таращится гриб —
Уже неживой, как солёная рыба.

Всё легче и легче прошедшего груз.
Зарою беду, будто жёлудь, под дубом.
Когда бы не эта осенняя грусть,
Не стал бы так делать —
банально и глупо.

* * *

Закружит ночь метелью-темью,
Завьюжит бездорожьём тёмным
И скроет под собою землю,
И снова Пушкина мы вспомним.

И рваный заячий тулупчик,
И бесов, пьяных в колокольчик...
Поэзии блуждает лучик
По лабиринтам русских ночек, —

Где сказки неземного лада,
Где гимн безумный Вальсингама,
Где Рыцарь в окруженье злата,
Где в чёрном Пиковая Дама...

Пронесётся виденья мимо.
Мелькают образы и лики,
И хочется неудержимо
Сорваться в этот танец дикий.

Но как во тьме утихнут вьюги.
Виденья в прошлое умчатся, —
У Пушкина, о милы други,
Давайте весело встречаться!

г. Череповец

Галина ШВЕЦОВА

В ЛЕСУ

Вот болотце, где каждая кочка
Спелой ягоды дарит огонь.
Как зарделась морошины щечка,
На мою наклонившись ладонь!

И своим положеньем гордится,
Не желая, как птица, летать.
Может, жизнь для того и годится,
Чтобы этой вот ягодой стать?

* * *

Тепло исходит от земли,
И все, что было в ней,
Уже цветет, уже звенит
И каждой веточкой в зенит
Стремится все сильнее.

И век живи, и два учись,
А вряд ли разберешь,
Как станет пласт земли простой
Той самой веткой золотой,
Где ягоду берешь.

Прочь суету и печали
И неперенный обман.
Тихо на лодке отчалию
В алый томящий туман.

Там, где лесные поляны,
Полные жизни простой,
Каждой цветок безымянный
Машет головкой: «Постой!»

И под звездой падучей
Над беспокойной рекой,
Боже! Что может быть лучше? —
«Сон золотой» — покой...

Памяти А. Н. Рачкова

Сотвори меня, сотвори,
Как гармонику раствори.
И душа запоем моя,
Как гармонь деревенская.

А над Сухоною — рекой
Вдруг привидится пляс такой,
Что до неба подать рукой!

Этим часом и жизнь, и смерть
Свяжут ноги, взбивая твердь.
Будем вместе все до зари.
Сотвори меня, сотвори...

Пузырится лужи сдутый шар,
Пенятся деревья в дымке стойкой
И кипит в крови, бросая в жар,
Разнотравья майская настойка.

Так недолог лета легкий взмах!
Глазом лишь моргни — кустов цветенье
Соком ягод тает на губах
Под листвы чарующее пенье.

Снова слякоть долгая придет.
Ну а если повернуть иначе —
Вдруг меня за ливнем кто — то ждет
С сердцем, словно летний день, горячим.

Памяти Михаила Бразина

Она пришла, как завершенье дня,
Одним лишь покоряющая взглядом.
Как много лет жил на холстах, маня,
Сей силуэт, когда-то бывший рядом.
И вот вернулась, так же молода,
К талантливому мастеру седому.
Так ярче разгорается звезда
В последний миг и канет в вечный омут.
В сердцах — огонь, а в жилах
стынет кровь,

От этих чар не ведая спасенья.
С тобою — мука, но в тебе — любовь.
Чу, ангелы трубят на воскресенье!

МНЕНИЯ

30 лет назад информационные агентства передали сообщение об убийстве 567 жителей деревни Май Лай вьетнамской провинции Сонгми взводом американских солдат.
“КС”

Критика и библиография

Леонид КУЗНЕЦОВ

доцент Череповецкого государственного университета

«НЕ ЗНАЮ Я, ЛЮБЛЮ ЛИ ЭТОТ ГОРОД...»

В серии «Библиотека череповецкой поэзии. Тысячелистник» вышел очередной пятый выпуск под названием «Часы на башне». Редактором-составителем сборника, как и всей серии, является череповецкий поэт и режиссёр Александр Русанов. На этот раз на суд читателей предложены очередные сто «листочков» — сто стихотворений о городе десяти поэтов.

Стихи, в основном, навеяны родными череповецкими мотивами. Как и любой старый провинциальный город, Череповец по-своему неповторим и самобытен, но в то же время и современен благодаря бурному развитию советской послевоенной промышленности. Именно поэтому многие стихотворения из сборника воспринимаются читателем в более широком «обшгородском», общероссийском смысле.

Тематика стихов обширна и разнообразна: история становления и развития индустриального города, научно-технический прогресс, влияние урбанизации на окружающую природу. Таким образом в сборнике затрагиваются бытовые, социальные, экономические и нравственные проблемы. Авторы размышляют не только о месте человека в городе, но и ставят актуальный, куда более сложный вопрос: как влияет город на душевное состояние человека и как формирует его мировоззрение?

Обратимся к стихам из сборника. Кто заселяет получивший второе рождение бурно развивающийся послевоенный город? В строящийся Череповец ехали отовсюду. В основном, жители ближних и дальних сёл и деревень:

*Едем. Тихие деревни
Друг от друга вдалеке.
Наконец, огнями вспорот
Небосвод вдали. И вот
На дорогу вышел город,
Встречным руку подаёт,
Приглашает жить...*

Л. Беляев

Город растёт на глазах, строится, расширяется, поглощая все окрестные деревни:

*Окончив школу, однокашники
Слетелись в город, как на мед.
Один обжился в Простоквашине,
Другой за Серовкой живёт.
А я устроился за Ягорбой,
Где пахнет юностью сирень
И где цветут старухи-яблони
На ранах бывших деревень.*

А. Кругликов

Город растёт и масштабами, и количеством населения. Особенно остро это ощущается в часы «пик». Автобусы и трамваи возводимого города ежедневно перевозят многие тысячи пассажиров, разумеется, по принципу «в тесноте — да не в обиде»:

*...Единый дух, единый пласт.
Тут можно вовсе не держатся —
Родной народ упасть не даст.*

Л. Беляев

Эти простые, но ёмкие строки исполнены куда более глубокого смысла, чем кажется на первый взгляд, — их вполне можно отнести ко всем череповчанам пятидесятых-семидесятых годов, объединённым энтузиазмом больших строк, взаимной поддержкой и верой в грядущее благополучие страны.

Вообще, тема городского общественного транспорта у поэтов сборника популярна. Если у одного из пассажиров поездка вызывает невольное воспоминание о неразделённой любви («Трамвай смычком ползёт по струнам, но рельсы больше не поют»), то другой пассажир решительно не желает выпускать в свою жизнь сутолоку транспорта — для него поездка превращается в сложное психологическое испытание:

*Голько бы мне не сбиться, не перепутать слоги,
души, сердца и лица, головы, руки, ноги.
Перемешалось в гуще всё, что во мне и рядом.
Давят меня всё туже локтем, плечом и задом.*

И. Волков

В сборнике мы встретим описания-наблюдения неторопливых пеших прогулок. Вместе с поэтами совершим небольшой экскурс по «старому-новому» городу. Что же особенно дорого авторам в своём городе, волнует их и, безусловно, предопределяет их поэтическую направленность? Это, конечно, одна из старейших улиц Череповца — Воскресенский проспект:

*Сырые деревья. Сырые тротуары,
Опавшею листвою усеянные сплошь.
По городу идём проспектом старым,
Который ныне с «новым русским» схож...*

А. Кругликов

...Это и ещё кое-где сохранившееся тесное соседство старого бревенчатого и современного высотного города, навевающее ностальгическую грусть:

*Дом глядит сквозь решетки —
Невысок, неказист,
Он под тенью высоты
Цветом брёвен землист.*

Л. Гуголева

...И, конечно, башня Камерного театра в знаменитом «криуле» с огромным видным изда-лека круглым циферблатом, символизирующим вечность этого Города во времени и окружающем пространстве, связь прошлого и настоящего:

*Стоят часы на башне,
на башне городской,
откуда видно пашни
и церковь над рекой.*

П. Шаров

Несмотря на кажущуюся ясность и простоту темы города, некоторым авторам присуще своё глубокое, философское осмысление основных проблем и схожих сюжетов. Предмет для серьёзных размышлений может быть самым разным. Часто это однообразие архитектуры, строгая схематичность, заданность градоустройства. Есть в сборнике и стихи, в которых проводится, по сути, глубокий анализ причинно-следственных связей. Например, А. Русанов видит закономерный итог роста города именно — ввысь, а не — ширирь (время коттеджей для массового российского горожанина пока ещё не наступило):

*Дама — столпы. Квартиры — соты.
Метраж тюремной тесноты.
Мы так стремились на высоты,
Что в плен попали высоты.*

Но «стремились на высоты» (под бодрую песню построения нового общества «всё выше и выше...») не потому, чтобы быть поближе к бездонному простору голубого неба, и не потому, что горожане — сплошь романтики и звездочёты. Просто город вынуждает человека отделиться, оторваться от земли-матушки, его вспоившей и вскормившей, поскольку земля покрывается мёртвым слоем серого асфальта. И в результате горожане оказываются в плену своих малогабаритных квартир — «и в тесноте, и в обиде». А уже на небо взглянуть некогда, хотя оно — вот, рядом, прямо над головой. Но к чему приводит подобная отчуждённость от земли?

Жилище для городской семьи — отдельная квартира. Игорь Волков пытается проникнуть в неё (пока хозяева на даче!) и предугадать любимые места, уголки обитателей квартиры. При внешнем равнодушии в душе поэта угадывается тоскливое одиночество и осознание замкнутости и пустоты городской жизни:

*В чужие окна светят фонари.
Уснуло радио с последней передачей.
Хозяев нет, хозяева на даче,
есть желтый свет и пустота внутри.
Кирпичный дом, отдельная квартира,
пространство жизни — пол и потолок.
У каждого любимый уголок,
часть комнаты, часть скатерти, часть мира.*

Интересно, что особенно остро тема одиночества и некоторая ограниченность сознания проявляется в стихах молодых авторов. Подобным же настроением пронизано стихотворение Павла Шарова. Этот поэт-философ болезненно воспринимает кирпичную неизбежность, даже безысходность городской улицы, разделённость горожан:

*Кирпичи, кирпичи, кирпичи
С каждым шагом, куда ни взгляни.
И не слышно, кричи не кричи.
Так проходят за днями дни.*

Эти стихи производят сильное впечатление. И вообще, П. Шарова отличают свежесть и оригинальность образов, широкие гиперболические, подчас гротескные эпитеты, неожиданные сравнения. Поэт предпочитает город исследовать ночью, когда до предела обостряются чувства, когда весь мир видится своей ночной стороной:

*Мир задохнулся невятным кошмаром.
Солнечный ветер погас до зари.
Город кривится больным тротуаром,
скалит ехидно свои фонари.*

Девяностые годы — новая веха в жизни города. Остро встают экономические и социальные проблемы. В стихах этого периода чётче проявляется гражданское звучание, появляются обеспокоенность и тревога за дальнейшую судьбу города, за его будущее. Прежде многие поэты склонны были воспринимать металлургический комбинат не более чем «грязно-воноuchий завод», из труб которого «валит серный дым».

*Дымит Череповец, железом вскормлен,
Стальной — аж от решеток до зубов.
Л. Цветков*

Но время заставило переоценить ценности, и теперь это в первую очередь завод-кормилец, источник заработка, гарант относительно устроенного быта:

*Застыли стекла все подряд.
Мороз арктический.
Поддай-ка жару, комбинат
Металлургический!
Эх, не замёрзла бы совсем
Вся экономика.
Несдобровать тогда нам всем
В отдельных домиках...
А. Кругликов*

И вот уже появляются демографические проблемы, рождаемость резко снижается. В современном городе многие детские сады закрываются за ненадобностью, передаются в аренду, продаются фирмам, поскольку

*Стареют города.
В их сумрачных рядах,
В шеренгах бесконечных серых улиц
И в суталокe дня
Всё меньше пацанят
И в крылышках шелков девчонок-умниц.
Т. Жмайло*

Сегодняшний город — это ещё и «новые русские», яркие витрины, реклама, автомобили-номарки, шоу и тусовки. Душевность и непосредственность исчезают в суете рынка, в калейдоскопе рафинированных желаний и потребностей.

А. Русанов справедливо полагает, что научно-технический прогресс, достигнутая относительная внешняя, показательная роскошь последних лет не должны отодвигать на второй план Человека — творца города:

*Мой друг о Городе сказал:
Чем больше стёкол и зеркал,
Тем меньше в сердце просто неба.
И человек давно пропал
На рынке зрелища и хлеба...*

Изоляция города от природы металлом, автомобилями и парами бензина, угнетающий ритм жизни по сверхплотному, стремительному графику (в детсад — на работу — с работы — на занятия по получению «второго высшего»...), — и в результате наступление Весны замечает один-единственный горожанин:

*...Вдруг кто-то выкрикнул
И радостно и хлестко:
«Да оглянитесь,
чёрт возьми.
Пришла весна!»*

Т. Жмайло

Нас, череповчан, триста пятьдесят тысяч. Живём, не покидаем города — кто десяток-другой годков, а кто уже и в нескольких поколениях. Значит, любим свой город — со всеми вместе взятыми железобетоном, серым асфальтом и «сизо-бензиновой мглой». Представленные в сборнике «Часы на башне» поэты признаются в любви к родному городу чаще всего «между строк», без показной сентиментальности. Наверное, это естественно, поскольку все мы невольно несём на себе печать «бетонно-стального» города, а не какой-нибудь экзотической Ялты или Паланги. Наиболее пронзительно ощущает себя как неотъемлемую частицу города, опереживает с ним и выражает искреннюю любовь к городу Леонид Цветков:

*...Пусть каплют слова, как дождь за ворот,
Про плаванье большому кораблю,
Не знаю я, люблю ли этот город,
Но, точно уж, другой — не полюблю!*

Георгий СВИРИДОВ

композитор

МАЯКОВСКИЙ-ПОЭТ ГОРОДА

«На флейтах водосточных труб». Но это было смолоду. А дальше он стал походить на большую канализационную трубу, недаром называл себя «ассенизатором». Это — верно и не несет в себе чего-либо оскорбительного для памяти поэта.

Сколько злобы к людям в его произведениях, он истекал ею. Вспомним, о чем он писал: «Карьерист», «Подлиза», «Сплетник», «Бюрокраг». Все поэты — «бездарные». Есенин — «подмастерье». Рабочие: Фоскин, Присыпкин, Двойкин, Тройкин — это от карточной игры, принятой в аристократической среде, каковою считало себя общество Маяковского (буржуазный салон, пришедший на смену старому салону). Но рабочий, который захотел вырваться из общежития (этой первой разновидности будущих лагерей), объявлялся сразу «Клопом», клеймился всячески. Советская буржуазия наиболее злобная из всех, может быть, только не злобнее американско-еврейской. А это была советско-еврейская.

Салон Брик поругивал Маяковского за чрезмерное увлечение агиткой. Надо было прославлять мадам Брик, эту местечковую Лауру.

Но, кажется, поэт уже исчерпал тему, что и вызывало неудовольствие.

Единственное, о ком он писал хорошо, — это Ленин, Дзержинский, дипкурьер Нетте. Не был обойден вниманием и Сталин, тогда еще только-только входивший в славу.

Кого только он не опаскудил: Лев Толстой (и неоднократно), Пушкин, сначала отвергаемый, а потом обгаженный снисходительным восторгом, Станиславский (физического истребления которого он требовал на одном из собраний), Булгаков, про которого он писал стихи — полицейский донос, Шалапин, Горький, Есенин, Клоев и «крестьянские» писатели, которых он сравнивал с собаками, А. Н. Толстой, Рахманинов — «невыносимая мелодизированная скука», Глазунов, выжитый ими из России в конце концов. Маяковский был поэт Революции, и не он один, тоже — Блок, Есенин, А. Белый, но только он один стал поэтом Власти. Это был по своему типу совершенно законченный фашист, сформировавшийся в России, подобно тому, как в Италии был Маринетти. Сгнивший смолоду, он смердел чем дальше, тем больше, злобе его не было пределов. Он жалил, как скорпион, всех и все, что было рядом, кроме Власти и Полиции, позволяя себе лишь безобидные для них намеки на бюрократизм, омешанивание и т. д. Наконец, в бешенстве, изнемогая от злобы, он пустил жало в свою собственную голову. На его примере видно, как опасен человек без достаточного своего ума, берущийся за осмысление великого жизненного процесса, который он не в состоянии понять, ибо живет, «фаршированный» чужими идеями. Это человек, якобы «свободный», а в самом деле «раб из рабов», ибо не в состоянии не только осознать, но даже и подумать о своем жалком рабском положении. Его честолюбие, вспухшее, как налимья печенка, от ударов прутьями (так делают, говорят, повара) и сознательно подогреваемое теми людьми, коим он служил, задавило в нем все остальные чувства. Человек, продавшийся за деньги (или честолюбие), лишен любви, ибо одно исключает другое. Сколько вреда нанесли эти люди, и как их несет на своих плечах современное зло. Оно благословляет и плодит только им подобных.

Николай ДОРОШЕНКО

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ ШВЫДКОЙ СТРАШНЕЕ ГЕББЕЛЬСА

Когда немецкие фашисты отправляли евреев в газовые камеры, то еврей К. Симонов, «по-русски рубаху рванув на груди», писал русские патриотические стихи, а еврей И. Эрэнбург писал о грабящих Россию немцах точно такие же статьи, какие нынче пишет Анпилов о еврейских олигархах. И Геббельсу, читающему Симонова и Эрэнбурга, не приходило в голову устроить ток-шоу под названием «Русский фашизм страшнее немецкого». Потому что даже

такое чудовище, как глава агитпропа Третьего Рейха, было более похоже на человека, чем наш министр культуры Швыдкой. Потому что это именно наш давно вспотевший от головы до пяток Швыдкой затеял на своем телеканале «Культура» телепередачу под названием «Русский фашизм страшнее немецкого».

Провокационная телепередача Швыдкого, за которую он должен сидеть в тюрьме (разжигание межнациональной ненависти), заставляет меня напомнить, что потеет Швыдкой от страха. Ведь он знает (по крайней мере, более рассудительный еврейский писатель Эдуард Тополь ему однажды об этом напомнил со страниц газеты «Аргументы и факты»), что в России евреи приходили к власти два раза — в начале и в конце XX века. И оба раза Россия оказывалась на грани гибели. Знает Швыдкой и о том, что в первый раз нашу страну спас сталинский «37-й год», когда созданная палачами карательная машина стала перемалывать самих палачей. Теперь Швыдкой боится второго «37-го года». И — потеет. И — в потном и липучем страхе своем теряет разум, совершает преступления, за которые несет уже личную ответственность (одной только его телепередаче, где детский писатель-еврей утверждает, что для беспризорных детей свобода превыше всего, мог бы позавидовать сам автор «mein Kampf»!).

Уже давно все знают, что если хорошо поискать, то за каждой разрекламированной телевидением акцией «русских фашистов» можно найти какого-нибудь еврея-Норинского. Или — еврея-Швыдкого, который своими телепередачами в открытую пытается вербовать наиболее горячие русские головы в созданные спецслужбами «экстремистские организации». И удивляться здесь нечему. Ведь точно так же и у «неуловимого» Бен Ладена из-под чалмы торчат уши ЦРУ. Потому что, например, еврей Чубайс вместе с другими такими же, как он, евреями больше всего боится, что в новом «37-м году» выковыривать его из власти будут не за то, что он еврей, а за то, что он разорил нашу страну. Потому что и фюрер «нового мирового порядка» — президент США — больше всего боится, что американцев все будут ненавидеть не за то, что они самые богатые, а за то, что они, прибирая иракскую нефть к своим рукам, размещая свои военные базы на Балканах и на территории бывшего Советского Союза, готовы пойти на любое преступление.

Я не буду объяснять, почему Швыдкой для меня уже давно является настоящим фашистом. Все и так знают, что на телеканале «Культура» главными героями стали деятели «культуры», у которых форма черепа отличается от славянской или татарской. Но — не удержусь и замечу, что Швыдкой все-таки понаглее, чем его предшественник Геббельс, неудачно закончивший свою политическую карьеру.

«Российский писатель», 2002

МНЕНИЯ

Фигня всё это. Я пожил на Западе достаточно долго, чтобы вслух заявить, что свобода творчества была только в СССР, её нет и быть не может ни на Западе, ни в нынешней России. Но обо всём этом я буду, если мне позволят, писать дальше и доказывать это утверждение. А пока же всё-таки скажу о современном русском кино. Да, во многом утверждения Аннинского об исчезновении великого русского кино справедливы. Особенно если взять программу нынешнего русского телевидения или даже послушать несколько передач с косноязычными дикторами и стареющими педерастами, расхваливающими творчество друг друга.

В. Куклин, г. Берлин

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Хрусталеv М. Ю. «Череповец: утраченные святыни». 2002. О храмах и часовнях города. Ценное, хорошо иллюстрированное издание.

Андрей Петухов «Армия», Петербург, 2002. Что-то вроде повести на злободневную сейчас тему. Автор — череповчанин, но сейчас живет в г. Пушкине.

А. Петухов «Станция «Любовь», новые стихи. Петербург, 2000. А. Петухов начинал как поэт, и продолжает писать стихи, он член Союза писателей России. Родился в 1964 году.

Спецвыпуск журнала «Наш современник», посвященный 225-летию Череповца. Знакомые авторы — А. Грязев, Ю. Тарыничев, А. Хачатрян, А. Пошехонов, Н. Бушенев, А. Русанов и др. Но есть и новые — Е. Белякова (переводчик), Н. Денисов, Л. Дулевич, Е. Шалашов, В. Чусова, О. Филиппков.

А. Хохряков «Если ничего не происходит», стихи, Череповец, 2002. Авторская редакция. Тираж 100 экз. Второй сборник А. Хохрякова. Автор родился в 1937 году.

Александр Кузнецов «Свод вологодских волоков», Тотма. 2002. Очень красивая книжка. Рисунки автора, ученого-краеведа.

Наталья Трофимова «Вечерний свет», стихи, Вологда, 2002. В оформлении использованы гравюры Бурмагиных.

«Нахаленок», областной иронический журнал. № 6. Череповец, 2002. Новости Пукинского ТВ, рассказы О. Гонозова, литературная викторина и др. Игорь Эпанаев:

*Кто-то догоняет,
Кто-то убегает.
Только вот меня нет.
Да и ни фига нет.
Кстати, все стихает.
Так что и стиха нет.*

Татьяна ЛАВТАКОВА

ПРОШЛОЕ ИЗ ЗАМОЧНОЙ СКВАЖИНЫ

Белые нити зимнего солнца проходят через ледяные узоры, распластавшиеся на оконном стекле, как сквозь ткацкий станок и яркой радугой расстилаются на домотканых дорожках. Мягкое тепло добросовестно натопленной голландской печи обволакивает негой. Десятилетняя Таня давно уже не спит. И надо бы встать, но в доме чужая женщина, и пока она разговаривает с матерью, приходится задержаться в постели.

На столе уверенно растопырился, гостеприимно пофыркивает горячий самовар. Анна разливает в чашки чай и приглушенным голосом, чтобы не разбудить дочку, беседует с гостей.

Таня живет с матерью вдвоем. Отца нет. О нем она никогда не спрашивала. О многих событиях своего детства и жизни матери она узнавала так же, как сейчас, нечаянно, слушая откровения и заглядывая в прошлое, будто в замочную скважину. Сегодняшний разговор заставил девочку еще на полчаса прикинуться спящей.

Рассказ матери показался ей почти древней сказкой. Она, Танька, была в ней одной из героинь. И судьба у нее была такая необычная, какую она не придумала еще ни в одной из своих многочисленных фантазий.

...Осень была сухой. Долго не опадали листья с деревьев. Все они — красные, зеленые, желтые, крепко держались за ветки. В тот день, когда местный гармонист, Шурка Настюшкин решил покончить с холостой разгульной жизнью, солнце весело играло в разноцветных подолах деревьев. Ветер нехотя срывал по несколько листочков и долго кружил их, любуясь затыливым полетом послушных парашютиков. Маленькую ладненькую Анну уважительно вели под руки Шурка, крупный и плечистый, и его друг Егорка. В деревне это было событием. Для вездесущей ребятни — также. Один, как листик, оторвался от этого шлейфа, сотканного из любопытства и гомона, одновременно утирая нос рукавом и подтягивая на ходу спадающие штаны, крикнул: «А Наташка сказала, что стол на четыре ножки перевернет, если Анюшку в дом приведут!»

Наташка — Шуркина сестра, незамужняя крепкая баба, не хотела Анну в родню — сирота, приезжая, нищая.

В свое время семья Анны была раскулачена. Отец не перенес того, как кормилицу кобылу повели со двора. Так и умер на крыльце от разрыва сердца. Вскоре и матери не стало. Три брата погибли. Один остался. И чего только не выпало ей не долю, девочшке! Пахала в колхозе на лошади, в кровь сбивая босые ноги, помогала мужикам на лесосплаве. Однажды, перебега реку по бревнам, поскользнулась, едва багром выгнали. Хорошо, сарафан оказался из грубого холста. Потом много лет сидела в няньках у брата, голодая у прижимистой свояченицы до куриной слепоты. И только в тридцать решила зажить самостоятельной жизнью, в возрасте Христа родила. У Шурки же — полдеревни родни, и все зажиточные. За многочисленность их и прозвали обабками...

От слов малышки о намерениях Наташки кровь бросилась в лицо невесте. Анна резко вырвала руки и опрометью бросилась обратно, туда, где мирно посапывала их с Шуркой

трехмесячная дочка. Ошарашенные мужики опомнились не сразу. А когда пришли к дому, где квартировала Анна, дверь нашли запертой.

Стучали долго. На все лады звучало Шуркино: «Анна, открой!». Молодая женщина, сжавшись в комочек на кровати, плакала горько, безутешно. Баба Оля, хозяйка дома не унимала квартирантку, но и двери жениху не открывала. А когда слезы прекратились, старушка велела горевухе трижды перекреститься и сказать: «Она хотела стол на четыре ножки перевернуть, так дай ей бог четырех!». Не вдумываясь в смысл, Анна повторяла слова за хозяйкой, молилась и повторяла...

С того дня прошло десять лет. Давно нет в живых бабы Оли. Анна с Танюшкой благополучно живут в сельповской квартире. А Наташка, Шуркина сестра, сегодня выходит замуж за вдовца, у которого на руках четверо детушек. И только сегодня Анне становится понятен смысл молитвы. Услышана.

Надежда ШИЛОВА

МОЙ ПЕРВЫЙ РАССКАЗ...

Я летела!..

В этом не было ничего удивительного: я часто летаю во сне и наслаждаюсь приятными ощущениями невесомости, свободы, счастья. Но на сей раз существовала конкретная цель моего полета — городок Харовск на севере нашей области. Туда я должна была доставить ягоды.

А где же ягоды? Помню, когда шла по земле, то правая моя рука бережно придерживала покоящийся на бедре тазик с клюквой, в левой висел пакет со спелой морошкой. Морошка испускала такой аромат, что хотелось есть ее пригоршнями...

Но когда руки сами поднялись и тело взмыло в воздух, ягоды куда-то исчезли. Да Бог с ними, с ягодами! Главное — ощущения!..

Перелетаю через леса, речушки и наконец-то вижу знакомую водонапорную башню возле здания железнодорожного вокзала.

Меня встречали. Девушка и двое молодых людей. По тропинке мы (молча) поднялись куда-то вверх и неожиданно оказались на краю обрыва. Внизу чернела река. На мой немой вопрос даже немой ответа не последовало, зато последовал толчок, и я полетела вниз!

Я даже не приводнилась, а погрузилась во что-то вязкое, тягучее и черное. Это желе поддерживало меня, не умеющую плавать, и первоначальный страх снова сменился приятными ощущениями.

Нет, похоже, сегодня мне не дадут ничем насладиться. Крики с берега подтвердили это, и вскоре я уже стояла на земле. Естественно, появился и представитель правопорядка, пожелавший узнать, кто я и откуда.

— Ваши документы! — причудливые усы старшего лейтенанта насторожились.

Документов у меня не было. Последовало традиционное «пройдемте!» Рассказать о настоящей цели своего «прилета» я не могла. Тем временем милиционер достал чистый бланк протокола и вывел дату: «14 сентября 1973 года».

Обалдело смотрю на дату, окидываю взглядом кабинет и на стене вижу теперь почти позабытый портрет всемирно известного писателя, неоднократного Героя Советского Союза, который с усмешкой взирает из-под широких бровей: «Ну и как ты теперь выкрутишься?»

Итак, я перелетела не только из Вологды в Харовск, но и из 2002 года в далекий 1973-й, когда училась на третьем курсе Вологодского пединститута, а в сентябре наша группа была в колхозе в том же Харовском районе.

«Фамилия, имя, отчество, число, месяц и год рождения».

Ответила машинально. Следовательно так же машинально записал, пересчитал и посмотрел на меня.

«Так, влипла! Ясно ведь, что мне сейчас никак не двадцать лет. Надо выкручиваться, пока он не пришел в себя от изумления».

«Простите, товарищ лейтенант, как Ваше имя-отчество?»

«Иван... Михайлович... Смирнов», — наконец-то представился он.

«Иван Михайлович, Вы любите фантастику?»

«Да», — не понимая, ответил он.

«А «Машину времени» Герберга Уэллса читали?»

«Да».

«Представьте, что я с помощью этой машины перенеслась из 2002 года».

(Если мне не удастся хотя бы заинтриговать его, психушка обеспечена. В те годы это было самым обычным, — потом, во время «перестройки» мы узнали об этом).

«Чем Вы можете это доказать?» — включился в игру лейтенант.

«Сейчас мне 49. Похоже?» Кивок.

«В 1973 году я училась... — и дальше пошли сведения об учебе, месте жительства, моей семье и т.п. — Вы можете послать запросы и убедиться в том, что я не лгу».

«Но ведь это займет не одну неделю!»

(Бог мой, где же наша мобильная связь, электронная почта, факс?)

«Хорошо, а если я назову человека, который сейчас живет в Харовске? Он, вернее, она подтвердит все, что я только что рассказала Вам».

Лейтенант (в силу своей молодости) тоже, наверное, был авантюристом. А может, он просто скучал и ему захотелось немного развеяться, прежде чем отправить меня (откуда не по факсу). Но пока все складывалось не так уж и плохо.

Мы договорились, что спрашивать будет Иван (Михайлович). Вначале он (предусмотрительно) «погонял» меня по общим родственникам, а затем мы отправились к Градиславе Васильевне, тете Граде, как звали ее в нашей семье.

Ее маленький уютный домик я нашла без труда, так как в каникулы часто ездила к ней в гости. К счастью, тетя Градя оказалась дома. Боже, какая же она молодая, немного старше меня теперешней!

Лейтенант заговорил о задании райкома партии, что это нужно для Москвы, что записывать он ничего не будет и хозяйке это ничем не грозит. Успокоив женщину, он приступил к расспросам.

Пока тетушка «путешествовала» по своим харовским и «близлежащим» родственникам, я огляделась. Русская печь, в которой тетя Градя пекла вкусные пироги, немудреная кухонная утварь. Слева — основная комната — маленькая, но очень чистая и уютная. Больше ничего не было видно, но я знала, что в доме есть совсем крошечная комнатуха, в которой ночевала я...

...Наконец прозвучала и моя фамилия. Лейтенант встрепенулся: «Пожалуйста, об этой семье поподробнее!»

Я смотрела на тетю Градю, но не слышала, о чем она говорит. Хотелось крикнуть: «Это же я, это обо мне Вы сейчас с такой теплотой рассказываете!» Моя родственница была набожна, и она, мне кажется, могла поверить в мое «перемещение», но что бы тогда произошло? Посыпались бы вопросы... А я?... Разве могла я ей рассказать, что через два года трагически погибнет моя старшая сестра, в 1980-м умрет папа, а самой тети Гради в 2002 году тоже не

будет в живых; что к третьему тысячелетию почти не останется на этом свете наших родных и близких...

Лейтенант, видимо, уловил мое состояние, и мы, поблагодарив хозяйку, ушли. Хорошо, что по дороге он не задавал вопросов, а то я расплакалась бы!

Мы зашли в столовую, и Иван накормил меня обедом на полную катушку, истратив аж 97 копеек из своего скромного милицейского бюджета.

И вновь мы сидим друг против друга. Вопрос следователя был необычным: «Правда, что Вы пишете стихи?»

«Да».

«Печтаетесь?»

«Да, в районной газете».

«Давайте сделаем так. Я узнаю, номер телефона редакции и прошу кого-нибудь найти хотя бы одно из Ваших стихотворений, прочитать, а Вы по первой строчке должны будете его продолжить. Идет?»

«Идет!»

Опускаю момент, как это все происходило технически. Мне повезло, что знакомый корреспондент (корреспондентка) находился в редакции. Она хорошо знала (и знает) меня и довольно быстро нашла «Веселись, круги и пой, метелица!»

Иван внимательно выслушал декламацию по телефону и назвал первую строчку. К счастью, я помнила этот студенческий опус и почти правильно процитировала его.

В кабинете повисла тишина. Чистый бланк протокола покоился на столе.

«Допустим, я Вам поверю и отпущу. А как же Вы обратно попадете? Снова полетите?» — с иронией спросил собеседник.

Этого я не знала. Снова молчание.

«Послушайте, уж коль Вы знаете, что произойдет за 30 лет, может быть, расскажете? Все-таки интересно, к чему нам готовиться?» Портрет Генсека гипнотизировал и приказывал не выдавать государственную тайну, но тут меня понесло, и «дорогому Леониду Ильичу» досталась пальма первенства.

«В 1982-м году умрет Брежнев!..»

«Кто-кто?»

«Брежнев».

«Леонид Ильич Брежнев», — поправил лейтенант.

«Да, Леонид Ильич». (О, третье тысячелетие с его демократическими «Шойгу», «Жириновский», «Путин»...)

«До этого он успеет дать «добро» на ввод Советской Армии в Афганистан, и эта война продлится целых десять лет».

«А кто же будет править страной?»

Я пустилась в экскурс о правителях вначале Советского Союза, затем России...

«Куда же делся Советский Союз?»

«А он распался».

«Вопросы сыпались один за другим, и я, забыв обо всем, говорила, говорила... О «перестройке» и «путче», о черном августе, о капитализме в нашей стране, коррупции, гласности, демократии, отсутствии цензуры, о заказных убийствах и киллерах, о мафии, в том числе и в органах внутренних дел...

Перевела дух, поглядела на Ивана Михайловича и испугалась: он смотрел на меня с откровенным ужасом, как на помешанную, и я поняла, что натворила. Но слово — не воробей...

Некстати (а может, кстати) всплыли строчки Некрасова:

Знаете, зрелищем смерти, печали

Детское сердце грешно возмущать. Вы бы ребснку теперь показали Светлую сторону...

О чем же «светлом» рассказать этому молодому человеку? Теперь я уже боялась говорить и о литературе, и об эстраде, и о современных молодежных движениях вместо привычных пионерии и комсомола. Перегруженный информацией мозг собеседника не выдержал бы этого.

Настроение Ивана Михайловича не поддавалось определению. Он явно не знал, что делать со мной.

«Ты домой идешь?» — заглянул в кабинет один из сослуживцев.

Для следователя это было спасением. Меня проводили в комнатку с продавленным диваном, дали подушку, одеяло, объяснили, что в случае надобности можно постучать в дверь, и удалились.

Несмотря на усталость, я долго не могла заснуть. Сидела на диване и думала не о том, как выберусь отсюда, выберусь ли вообще, а о том, как неосторожно повела себя, взяв чуть ли не миссию оракула. Я не имела на это никакого права!

Голова, познакомившись с подушкой поближе, отключилась.

Пробуждение было беспокойным. Сразу я не могла понять, где нахожусь. В комнате довольно светло. На телевизоре часы высвечивают 4.35. Да я же у себя дома! Приснитесь же такое!!!

У коллег сон мой вызвал неподдельный интерес, а знакомый из внутренних органов предложил по компьютеру (ради интереса) просчитать этого самого Ивана Михайловича на предмет его реальности.

Его голос по телефону выдавал явное замешательство.

«Ну, говори!» — сорвалась я на крик.

«Смирнов Иван Михайлович, 1948 года рождения, подполковник запаса, проживает по адресу: г. Харовск, ул., № дома, квартиры, домашний телефон...»

Номер телефона Ивана (теперь он старше меня на 5 лет) запомнился сразу. Каждый вечер я подхожу к аппарату, беру трубку и кладу ее обратно. Даже если это давний мой знакомый, что я ему скажу? А что услышу в ответ?..

Алексей БАШКИРОВ

ИЗБА

Нынче строится много особняков и замков каменных. Солидные такие сооружения и очень комфортабельные. Некоторые очень похожи на замки средневековых феодалов, а мне по сердцу одна лишь изба – серенькая, убогая, немного вросшая в землю. Бревна у ней все в морщинах, венцы сруба в трещинках. На крыше дранка обросла кое-где зеленым мхом. Много лет ей, много веков. Тихо дымится труба. Пахнет пирогами и еще чем-то таким, от чего наворачиваются невольные слезы... Величавые березы таинственно шепчутся между собой. Вьется хмель по старым жердинам. Славное бабушка варила пиво! Настоящее русское пиво. А как весело плясало под гармошку! Сколько дива вокруг, сколько радости!..

На улице темень и стужа, но в избе тепло. Весело потрескивают дрова в маленькой печурке. Рыжий кот ластится у ног. Вот в ночи засветился огонек... Бабушка с фонарем идет со скотного двора. Скоро запоет самовар и станет совсем хорошо. Сладко нежась в постели, тихо заснешь под молитвенное бабушкино бормотание...

1.03.2001

БЕСЕДА С М. И. СИДОРЕНКО

Поэзия Николая РУБЦОВА с каждым годом привлекает все больше и больше читателей и исследователей. Похоже, что мир Рубцова бесконечен. В нем находят для себя темы и образы не только поэты и художники, но и лингвисты, философы, другие ученые. Сегодня, в дни Рубцова, писатель Вячеслав БЕЛКОВ беседует с профессором Череповецкого пединститута Михаилом Ивановичем СИДОРЕНКО.

В. Белков: Стихи Рубцова живут самостоятельной полнокровной жизнью, потому что они состоят из живых слов. В свою очередь эти слова вышли из живой души. Еще в 60-е годы поэзия Рубцова потрясла всех — она как бы восстановила веру в поэтическое слово. До Рубцова уже было столько наврано, так облегчилось литературное слово, что становилось страшно. Поэт был послан, чтобы исправить это положение. Кстати сказать, в прозе подобную задачу выполнила «деревенская проза». Теперь ее кое-кто ругает, а тогда она, как добрая и сильная лошадка, вытянула наш воз из болота литературных игр и мертвых слов...

Хорошо помню то ощущение, когда в 70-е годы я стал не просто читать Рубцова, а предельно внимательно в него вчитываться. Теперь-то я понимаю, что все открытия в литературе основаны на медленном чтении. Я увидел гармоничный мир поэта, в котором каждое слово подтверждено подлинным чувством, а в итоге за все заплачено не чем-нибудь, а собственной жизнью.

Вы, Михаил Иванович, тоже когда-то открывали для себя Николая Рубцова, а потом долгие годы изучали язык его поэзии, составили «Словарь языка Рубцова», который я, например, считаю огромным делом.

М. Сидоренко: Николай Рубцов не деревенский, не городской поэт, он — русский, поэт русской души. Естественно поэтому, в его слове отразилась вся гамма состояния этой души. Отсюда одновременно и сложность, и простота рубцовской поэзии. Сложность в том, что в ней нет декларативности, заданности — это крик из самых глубин человеческой природы. Вот почему каждый из читающих воспринимает ее строки по-своему, причем при очередном чтении по-иному, глубже, проникновеннее, с новыми открытиями для себя. И так — бесконечно, ибо поэтический мир Рубцова неисчерпаем. Простота рубцовской поэзии заключается в предельной ясности слова, в удивительной мотивированности художественного образа, в той человечности, которая объединяет слово и «вылепленный» им образ.

Разговор о языке Рубцова должен быть основательным, так как язык поэта, тем более крупного, всегда зеркало мировосприятия и мировоззрения, всего духа народа в определенную эпоху, определенный период, «кусочек» времени. Надеюсь, что составленный мною словарь в какой-то мере будет способствовать проведению подобного разговора.

В.Б.: Слово Рубцова — мягкое, гибкое... «Ветер всхлипывал, словно дитя», «и шепот из мутной воды», «мерцанье», «встрепенется»... Теплое слово — вот как бы я определил. Но поэт никогда не сюсюкал «под народ», у него нет «речушек» и «березонек»... Рубцов может

быть и жестким, во всяком случае в его стихах много движения, силы, мощного природного напора. И сам он порою «мчится куда-то с грохотом и воем...» Вот еще несколько словосочетаний из Рубцова: «дьявольская сила», «бешеная гонка», «уносятся обломки». Даже мухи у него — «проносятся». А любимое слово его — «мчаться».

Звуковой диапазон поэта тоже огромен — от звона полевых колокольчиков до океанского рева и каменно-небесного громыханья... Все это, конечно, показывает и ваш «Словарь языка и рифм поэзии Рубцова», прекрасно показывает. И убедительно доказывает полную несостоятельность тех претензий, которые, например, предъявляет к Рубцову московский критик В. Новиков. Вообще ваш словарь открывает новые возможности изучения поэзии Рубцова, сопоставления его с другими поэтами. И сам «Словарь», насколько я понимаю, получился новаторским, и много трудов на него ушло...

М.С.: Говорить о словаре уже не хочется. Сначала была уверенность в том, что вологодская общественность отнесется к его изданию как к само собой разумеющемуся. Потом уверенность сменилась на надежду, теперь же, скорее всего, придется положить его в стол со смутной перспективой издать к 70-летию поэта Горько. Не от того, что много сил и времени ушло на составление словаря, нет. От того, что в настоящее время духовность наша отошла даже не на второй, а, наверно, на последний план нашей жизни.

Чтобы получить полное представление о стиле и звукописи Рубцова, необходимо исследовать в функционально-коммуникативном аспекте словарный и фразеологический состав его поэзии, особенности сочетаемости слов, специфику словообразования, морфологию и синтаксис языка в целом, т.е. все то, что составляет идиолект поэта, включая нарушения

норм литературного языка. Для этого потребуются гораздо больше усилий и времени, чем на составление словаря (который, конечно, в значительной мере облегчит данное исследование). В короткой же информации, кроме разрозненных наблюдений и замечаний, зачастую содержащих неверную ориентацию и оценку, как это случилось с академиком М. Гаспаровым и критиком В. Новиковым, объективной характеристики дать нельзя. Более того, исследуя только диалект Н. Рубцова, можно добиться лишь относительной объективности подобной характеристики. Поэтому необходим сопоставительный анализ с языком других поэтов, в первую очередь — его современников.

В.Б.: Большинство читателей, конечно, не могут научно анализировать стихи, да это всем и не надо. Читатели нутром почувствовали в поэзии Рубцова добро, веру. Много писем приходит в нашу писательскую организацию, в Рубцовский центр со всех концов России. Читатели мечтают о книгах Рубцова, да им просто нужна какая-то весточка с родины поэта. К нам стекается вся информация — где какие книги выходят, какие песни рубцовские поют. И вот обидно, что Вологда иногда отстает. В Петербурге, например, уже два альманаха издали по творчеству поэта, а у нас — ни одного. В 1993 году, правда, наш пединститут выпустил книжку Виктора Баракова «Лирика Николая Рубцова». Мои книжки можно вспомнить. А то, что переиздаются стихи Рубцова и воспоминания о нем — это само собой разумеется... В стране защищено около десяти научных диссертаций, посвященных творчеству Рубцова. Одна из последних таких работ недавно опубликована в Симферополе. Все это не удивительно, поэт смело и честно вошел в русскую литературу. Вошел на равных с классиками. Сопоставьте, скажем, «Поезд» рубцовский с «Бесами» Пушкина! — вот вам и новая большая тема для осмысления...

М.С.: Разделяю ваше мнение о том, что научный анализ поэтического произведения читателю, специально не занимающемуся филологией, не нужен, нередко даже вреден тем, что ему «навязывается» определенный взгляд на читаемое. Лирико-философское стихотворение настоящего поэта (стихи Рубцова все подобного рода) у одного и того же человека в разное время, в разный его период психологического настроения вызывает различные эмоции и оценки. Представьте себе огромную армию читателей-индивидуумов! Научный анализ необходим для того, чтобы объективно и во всех аспектах определить место поэта в литературе, его роль в развитии литературного языка, выявить самобытность его художественного мастерства. Популярность, известность далеко не всегда верно характеризуют все это.

Место Рубцова в русской литературе весьма почетное. Я уже говорил, что оцениваю его поэзию как лирико-философскую, и в этом плане ставлю Рубцова в ряд Веневитинов — Баратынский — Тютчев — Блок (последний, на мой взгляд, вершина русской поэзии) — Тарковский. Такие поэты на все времена, их творчество не зависит от идеологии властей разной масти, от особенностей государственного устройства.

В. Б.: Рубцов — один из немногих писателей, которые не навязаны нам сверху. Он пришел сам и получил полное народное признание. Я бы сказал так — он звучит. Звучит, как музыка, в нашем онемевшем пространстве. Сейчас проходят и заканчиваются юбилейные торжества, и даже меня поразило — сколько людей откликнулось, сколько артистов, музыкантов, художников выступило под знаком Рубцова в нашей все еще милой Вологде.

1996 г.

Графика

Евгений ШИПЕРОВ

Вологда

Дмитрий МЕДВЕДЕВ

Череповец

Сегодня в этом разделе мы показываем несколько работ молодого художника Евг. Шиперова (иллюстрации к Башлачеву) и экслибрисы его учителя по череповецкому университету Дмитрия Владимировича Медведева, известного мастера.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

Череповецкий выпуск

23

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Пошихонов, А. П. Смолин, М. А. Полетова,
М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова,
О. Н. Кузнецова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина, 2. Союз писателей, Вячеславу Белкову

Сдано в набор 26.12.2002. Подп. в печать 16.01.2003.

Заказ № 501

Вологда

2003

